

24 августа 1969 г. • № 197 (15372).

...И НА ВСЮ ЖИЗНЬ

О ДЕТСКИХ спектаклях театра Образцова пишут сравнительно мало — по крайней мере во время гастролей. Сказка «Необыкновенного концерта», «Божественной комедия», «Чародей мельницы», видения, «ослабленные» рецензентов, а впечатления взрослых, основанные на анализе, задевают доверчивую радость детворы.

Ценители искусства в возрасте от двух до пяти и даже больше старшие не высказывают ассоциаций, не пытаются почувствовать «второе течение» постановки. Они просто внешне верят в то, что бывают на свете чудики, ведение которых оказывается волшебным, и может легко передвигаться по всему простому кирпичная печь. Наверно, как раз для них и существуют высокое искусство кукольников. В первую очередь — для них.

...А в гастрольной афише театра Образцова многозначительно встретились ныне два детских спектакля — «По щучьему веленью» и «Заячья школа». Случайна ли, намеренна ли эта встреча, но чудесная закономерность открывается за таким выбором. Два постановки — между ними годы. Целая жизнь театра...

...Спектакль «По щучьему веленью» (постановщик народный артист СССР С. Образцов) издавна кажется чем-то уж очень знакомым. Маленькие куклы. Обычные, совершенно простые декорации. Да и само содержание сказки, хорошо знакомой с детства, — все оставляет трудное ощущение для вчерашнего. Невольно вспоминаешь дату первого представления, указанную в программке. 13 ноября, 1936. Почти 33 года назад...

Что ж, и такое, к сожалению, бывает: идет время, автоматически зачеркивает многое в искусстве. То, что представлялось вчера оригинальным, граничит сегодня с банальностью. К кому же меняются в театре исполнители и, что важнее всего — меняются сам зритель.

Но вот — жита «Чайка»! Проходят буквально одна-две картины, и понимаешь, почему именно так зовут образцовцы свой спектакль «По щучьему веленью». Проходит чувство обаяния, возникает ощущение новизны, свежести и, главное, — серьезности. «Настоящести» всего происходящего над маленькой

первой. Столь частая в кукольном театре схема в обрисовке характеров героев начисто отсутствует в постановке. Здесь действуют совершенно «живые» персонажи, за которыми хочется со вниманием следить, сочувствовать и — коль этот спектакль для детей — подражать. Здесь собираются на опушке равные звери — Медведь, Лиса, Заяц,

ГАСТРОЛИ МОСКОВСКИХ КУКОЛЬНИКОВ

приходит Емеля с матерью и прелевой Несмеяной — чтобы жить в лесу всем вместе. Здесь царь — просто усталый и чуждый человек, которого даже немного жаль. Мамка царевны Несмеяны вполне заматая и озлоблена. А самой Несмеяне только скучно, скучно и... скучно. Она привычно льет слезы из одного глаза в золотое ведро, из другого — в серебряное. Привычно и с ласковой выманивает царская гвардия — «зат-два, зат-два». Такое вот скучное это царство!

А спектакль, напротив, веселый, искрящийся мыслью, оптимистичный.

Да, это действительно «Чайка»... Хотя еще раньше было у образцовцев много интересных работ для детей — задорная и очень наивная постановка «Джим и Доллар» — о том, как негртеночка Джим со своей собакой Долларом бежит из Америки в Советский Союз; были «Волшебная наложка», «Гусеница», «Волшебный Иван», «Кот в сапогах», «Золушка»... Каждый из этих спектаклей — «живая история» театра, история его поисков, сыров, а зачастую все же удач.

Но именно в «По щучьему веленью» видим мы начало пути коллектива и своему детскому зрителю, его своеобразную точку отсчета. Здесь творческое credo режиссера Сергея Образцова.

Тогда же, вскоре после премьеры спектакля, в 1938-м, подводя итог многим своим раздумьям и поискам, он писал в книге «Антар с куклой» о том, что часто режиссеры детского театра «обедняют» идею, тему спектакля, делая ее более детской, чем сама тема, а постановочные приемы берут такие, которые понятны лишь взрослым».

В «Щуке», где программа эта отнюдь не реальностью, можем мы и сейчас наблюдать приметы утверждения режиссерского почерка. На сцене кукольного театра отнюдь не «кукольный», а «живой», — хоть и понятный вполне самому юному зрителю, мир. Театру Образцова вообще чужд «черно-белый» цвет действующих лиц. И Емелю, главного героя пьесы, и традиционного героя русских сказок (даже если там он выступает под другим именем, например, Иванушки-дурочка), никак не являешь целиком поджатым. Это только в иных книжках для малышей есть такие «сусальные» персонажи, нарекаемые сляпотными правоучения, а народных сказках их нет. В спектакле тоже. В образе Емели присутствуют некоторая бравада, самоуверенность, над которыми зритель смеется. Но есть в нем и истинная смелость, и открытость души, в доброту.

Да и вообще, спектакль, в котором театр обретал неповторимое свое лицо, пропитан традиционным на русской сцене духом демократизма. Потом, конечно, именно это привлекает нас и

в «Божественной комедии», и, особенно, — в «Чародей мельнице». Повествуя о непридуманной жизни, веселясь и развлекая, театр провозглашает всеми силами, всеми способами своего искусства: пока существуют волшебное слово — помните, «По щучьему веленью, по моему хотенью»...? — всегда будет вести на свете хорошим и честным людям.

В ОТЛИЧИЕ от «Щуки» пьеса П. Манчева «Заячья школа» еще не стала классикой. Хотя и получила высокую оценку на втором Международном фестивале кукольных театров, хоть и идет сейчас во многих театрах страны. Принадлежность драматического произведения к классике определяется не географией постановок, а их долготечением на сцене.

Премьера «Заячьей школы» в ЦТК состоялась в декабре прошлого года. Видимо, театр привлекало то, что в ней тоже нет попыток говорить «непонятным языком слишком понятные вещи».

Ничего особенного не происходит в спектакле: только одна дель забчат делают утром зарядку, идут в школу, играют, расправляются с хитрой лисой — только один день...

В постановке Л. Дочевой (режиссер спектакля В. Кусов) «Заячья школа» выглядит сказкой, но сказкой, где время действия — наше сегодня. Волшебный В. Богомольный перелистывает страницы интересной детской книги. Он чем-то похож на доброго волшебника, пришедшего из дальней страны андерсеновских сказок, но только — не на волшебника современного, молодого. Он разговаривает со зрительным залом естественно и легко, в свободное от действия время загадывает загадки, выслушивает ответы, поправляет, подкашивает и... даже весело прохаживается на руках по сцене.

«Заячья школа», созданная при участии болгарских кукольников, поставлена в лучших традициях ЦТК. Каждому персонажу присущ свой, особый, характер. Молва, например, как всегда, ошибается, утверждая, что все зайцы трусливы. В спектакле они разные: есть среди них и герои, и комички, и даже свои резонеры.

Так и чувствуешь во всем отражение мысли, очень важной обычно для образцовцев: самое главное в постановке — кукла: яркость и обилие декораций не должны отвлекать внимания. И музыка композитора В. Веровой тоже служит созданию гармонии и цельности.

Ведь несмотря на эту легкую и веселую атмосферу спектакля, основная мысль его по существу очень серьезна. Нет, она заключается даже не в наставлении, которое пишет учитель на классной доске и которое своей наивной афористичностью сразу запоминается детям: «маме — помогаю, папу — слушаюсь». Она, мысль театра, на и в «Щуке», состоит в мудром знании: добро вечно, зло временно и... не нужно его бояться.

После представления актеры не выходят с куклами в руках, как это бывает во время спектаклей для взрослых, — хотят сохранить подольше атмосферу «обыкновенного чуда». Да и сами дети не утруждают оценок, а если аплодируют, то только веселым зайчатам, находчивому Емеле... Они тоже продолжают еще жить по строгим и справедливым законам сказки. Сегодня, сейчас, а может быть, — всю жизнь...

Е. ЦЕНТЛИН.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «По щучьему веленью».

